

СОЛНЦЕ СВЕТИТ ВСЕМ...

...Но некоторым оно улыбается чуть раньше. На этот раз оно «взошло» в Нижнем Новгороде — здесь состоялся первый в России показ фильма Н. Михалкова «Утомленные солнцем», недавно прогремевшего в Канне.

Специалисты утверждают: такого еще не было. Никита Михалков и впрямь побил никем не регистрируемый, но оттого не менее ценимый в глазах профессионалов рекорд, принадлежавший отныне ему и только ему: огромную (два с половиной часа!), масштабную, многолюдную картину он задумал, снял, смонтировал, показал в Канне — и все это уместилось меньше, чем в год...

Но дело, впрочем, не только в ритме, мобильности работы, не в количестве тех усилий, которые довелось приложить съемочной группе, чтобы среди нашей всеобщей разрухи начать и закончить (последнее ныне случается далеко не всегда) фильм. Дело — в самой картине, ставшей главной сенсацией Каннского фестиваля. Двадцать минут (а это тоже своего рода рекорд!) респектабельная публика аплодировала мастерству режиссера, оператора, актеров, которые отдали своему детищу труд, бессонные ночи, неукротимую творческую энергию. И — победили. Главный приз авторитетнейшего Каннского фестиваля, премия экуменического жюри — такого успеха наше кино давно не добивалось...

Прошло чуть больше месяца после премьеры картины в Канне, и вот в минувшую пятницу состоялся первый общественный просмотр фильма «Утомленные солнцем» в России. Но не в столице, не в Центральном доме кинематографистов, что стало своего рода рутинной традицией, а «далеко от Москвы», точнее — в Нижнем Новгороде, куда ваш корреспондент выехал в составе небольшой, но «теплой» компании столичных деятелей культуры. Естественно, первый вопрос, адресованный Никите Михалкову на многолюдной пресс-конференции, которую автору этих строк довелось провести, мог прозвучать только в такой редакции:

— Так все-таки почему премьера фильма состоится не в Москве, а в провинции? Некоторые могут расценить это как очередную форму эпатажа...

— Меня не интересует, что подумают «некоторые». Лично я уверен в том, что возрождение нашей Отчизны начнется (и оно уже началось!) с русской провинции, а не с насквозь политизированных, раздражаемых противоречиями, «утомленных» мегаполисов. Все мои помыслы — и как режиссера, и как руководителя Российского фонда культуры — в последние годы тесно связаны с «глубинкой», где еще сохранился здравый смысл, где люди не палят друг в друга из пушек, а делают вековое, извечное дело. Мой фильм, смею надеяться, тоже неплохая работа. Вот почему я приехал с ним сюда, в провинцию, которая не есть сегодня синоним уныния, запустения, а обозначает всего лишь некоторое удаление от центра.

А кроме того, я просто очень люблю Нижний

Новгород. Здесь с Рустамом Ибрагимбековым мы писали сценарий, здесь наша группа сняла ряд ключевых сцен, здесь, наконец, живут мои друзья, без помощи которых эта картина могла бы не состояться, — я имею в виду губернатора Бориса Немцова и руководителя концерна «Русский клуб» Владимира Седова. Мой приезд в Нижний — это еще и знак благодарности городу и людям, причастным к рождению этой дорогой для меня, внешне легко снятой, но на самом деле трудно давшейся работы.

— Самый трудный эпизод можете вспомнить?

— Все было трудным. По сценарию действие картины охватывает всего один очень жаркий день 1936 года. Мы начали снимать 19 июля, а в сентябре пошел снег... Моя шестилетняя дочь Надя снималась босиком при температуре минус четыре. Каково было на все это смотреть отцу?

А каково мне было работать в драматичные октябрьские дни? В Москве стреляли, а я должен был снимать, снимать, снимать, потому что не имел права погубить картину — счет шел не на дни, а на часы. Я даже на похороны Юлиана Семенова — мужа моей сестры — не смог приехать, за что мне, возможно, не будет прощения. Но такова моя жестокая и беспощадная профессия. В то же время благодаря именно ей, а также, возможно, PROVIDENCIU, я оказался в те роковые дни в Нижнем Новгороде, а не в столице, где находилось мое сердце. Ни с кем себя и других не сравнивая, могу в этой связи только вспомнить очень точные слова Пушкина, который так ответил императору на вопрос о его отношении к мятежу декабристов (цитирую не дословно): осуждая душой их помыслы, я был бы среди них, потому что там слишком много было моих товарищей. Да, могу повторить: осуждая сложившуюся ситуацию, я был бы тем не менее в Белом доме по долгу дружбы, товарищества.

— А ваши политические симпатии каким-то образом сказались в последней картине?

— Политическая ангажированность в творчестве мне претит. Я никогда не снимал и, уверен, не буду снимать картины, впрямую отражающие, защищающие ту или иную политическую тенденцию. Как художник, я не имею права стать на чью-либо сторону. Более того, снимая картину о трагедии большевизма, об ужасах 1936 года, я старался понять всех героев этой исторической драмы, которые являются преступниками и жертвами одновременно. Жертвами, подчеркну, своего же собственного злодеяния. Потому что большевизм как явление не щадил никого. Этот монстр пожирал «себя и своих детей», постоянно воспроизводясь, омолаживаясь за счет тех, кто стоял на вершине власти. Об этом я и хотел напомнить в своей

картине, но — через художественные образы, через судьбы людей, а не через политическую риторiku, мне неинтересную.

— И последнее... Любители кино знают несколько названий вашего фильма: «Безусловный эффект шаровой молнии», «Утомленное солнце 1936 года», теперь вот — «Утомленные солнцем»... Это — окончательный вариант?

— Да, последний. Это не только название, это образный знак картины, в которой, к слову сказать, часто звучит замечательное, всем известное место: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» Слегка модифицировав строки, вынесенные в заголовок, мы даем зрителям простор для раздумий, что (или кто) есть это «солнце», от которого так смертельно утомилась страна... Мне бы хотелось надеяться, что фильм стоит своего названия...

... А потом был сам фильм. Драматичный, горький и, одновременно, пронзительно лиричный, точный и строгий в исторических оценках и в то же время эмоционально захватывающий, исторгающий то слезы, то смех у многочисленных зрителей, битком забивших зал, сидевших на коленях друг у друга, стоявших все два с половиной часа в проходе, вдоль стен... Слышимость была плохая, духота стояла страшная, но ни один зритель не подумал покинуть зал. А когда закончились титры и дали свет, раздался такой шквал аплодисментов, какого этот зал, наверное, не знал за всю историю своего существования. Взволнованными выглядели все — и рядовые зрители, и Людмила Гурченко, и Зураб Соткилава, и Алексей Петренко, и Всеволод Ларионов...

Не стану пересказывать всех перипетий этой премьеры, скажу лишь, что министр культуры Евгений Сидоров, подобно восторженной студентке, бросал к ногам Никиты Михалкова цветы, Сергей Соловьев подозрительно прокашлялся, а Сергей Бондарчук не мог, да и не пытался скрыть скудную мужскую слезу... О фильме думали и говорили не только сразу после показа, но и назавтра, и всю дорогу в Москву...

Что добавить к увиденному? Только то, что Никита Михалков не любит и не умеет почивать на лаврах. Не успев остыть от сьемок, он уже думает о новых фильмах. У режиссера множество интересных планов, проектов, среди которых — постановка фильма «Жизнь и смерть Александра Грибоедова», сценарий которого готов, давний замысел картины о Дмитрии Донском, доступны к экранизации кулпринского «Поединка»... На чем он остановится? Может, мы узнаем это раньше, чем «Утомленные солнцем» появятся в прокате... Ведь премьера картины в Москве состоится только в октябре.

Леонид ПАВЛЮЧИК,
спец. корр. «Труда»